

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 10
Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской
Федерации» в связи с жалобой гражданина Н.К.Шматкова

город Санкт-Петербург

19 ноября 2015 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя
В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря,
Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, Г.А.Жилина, С.М.Казанцева,
М.И.Клеандрова, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой,
С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, О.С.Хохряковой,
В.Г.Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской
Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3,
частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального
конституционного закона «О Конституционном Суде Российской
Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке
конституционности пункта 1 статьи 10 Федерального закона «О трудовых
пенсиях в Российской Федерации».

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина
Н.К.Шматкова. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся

неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемое заявителем законоположение.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Ю.Д.Рудкина, изучив представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Согласно пункту 1 статьи 10 Федерального закона от 17 декабря 2001 года № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» в страховой стаж включаются периоды работы и (или) иной деятельности, которые выполнялись на территории Российской Федерации гражданами Российской Федерации, застрахованными в соответствии с Федеральным законом «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации», при условии, что за эти периоды уплачивались страховые взносы в Пенсионный фонд Российской Федерации.

1.1. Приказом председателя правления международного коммерческого акционерного банка (МКАБ) «Восток» от 26 января 1995 года № 43-ОК гражданин Н.К.Шматков в связи с привлечением его к уголовной ответственности был отстранен от работы в должности директора Темиртауского филиала банка с приостановкой выплаты заработной платы с указанной даты до окончания следствия по делу. Поводом для издания приказа послужило постановление следователя УВД города Новосибирска от 17 января 1995 года о возбуждении в отношении Н.К.Шматкова уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного частью третьей статьи 159 УК Российской Федерации (мошенничество). Предварительное следствие и судебное разбирательство по данному уголовному делу длились с 1995 по 2006 год. При этом в рамках производства предварительного следствия в качестве меры пресечения в отношении Н.К.Шматкова применялась подписка о невыезде, за исключением периода с 3 апреля 1998 года по 17 мая 1999 года, когда он содержался под стражей. Приговором

Центрального районного суда города Новосибирска от 25 августа 2006 года, вступившим в законную силу 16 октября 2006 года, Н.К.Шматков был оправдан по предъявленному обвинению в связи с отсутствием в его действиях состава преступления и за ним признано право на реабилитацию.

Кассационным определением судебной коллегии по гражданским делам Новосибирского областного суда от 24 мая 2007 года Н.К.Шматкову был восстановлен трудовой стаж за период с 26 января 1995 года по 24 мая 2007 года, а решением Октябрьского районного суда города Новосибирска от 19 октября 2009 года – за период с 25 мая 2007 года по 19 октября 2009 года.

Управлением Пенсионного фонда Российской Федерации в Советском районе города Новосибирска по предложению Центра занятости города Новосибирска с 3 ноября 2010 года Н.К.Шматкову была досрочно назначена трудовая пенсия по старости. Поскольку страховая часть пенсии была рассчитана только за период до 31 декабря 2001 года, Н.К.Шматков обратился в Октябрьский районный суд города Новосибирска с иском о восстановлении своих пенсионных прав, в частности о включении в страховой стаж периода с 1 января 2002 года по 2 ноября 2010 года, перечислении на его индивидуальный лицевой счет в Пенсионном фонде Российской Федерации денежных средств в порядке исполнения за страхователя обязанности по уплате страховых взносов за указанный период и произведении перерасчета пенсии.

Решением Октябрьского районного суда города Новосибирска от 30 октября 2012 года, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Новосибирского областного суда от 19 февраля 2013 года, в удовлетворении исковых требований Н.К.Шматкову было отказано со ссылкой на отсутствие оснований для включения в страховой стаж истца периодов, не относящихся к указанным в статье 10 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» периодам работы и (или) иной деятельности, за которые уплачивались страховые взносы в Пенсионный фонд Российской Федерации.

Федерации, а также к иным периодам, засчитываемым в страховой стаж в соответствии со статьей 11 того же Федерального закона. При этом суд отметил, что действия и решения государственных органов не препятствовали ему осуществлять трудовую деятельность, доказательств же невозможности поступить на работу в результате уголовного преследования им не представлено. В передаче кассационной жалобы Н.К.Шматкова на указанные судебные постановления для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отказано (определение судьи Верховного Суда Российской Федерации от 2 июля 2013 года, письмо Заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации от 7 ноября 2013 года).

1.2. Как следует из статей 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации, проверяя по жалобе гражданина конституционность закона или его отдельных положений, затрагивающих конституционные права и свободы, на нарушение которых ссылается заявитель, и примененных в конкретном деле, рассмотрение которого завершено в суде, принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению, оценивая как буквальный смысл проверяемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм, не будучи связанным при принятии решения основаниями и доводами, изложенными в жалобе.

Гражданин Н.К.Шматков оспаривает конституционность примененного судами в его деле положения пункта 1 статьи 10 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», полагая, что оно – в нарушение статей 1, 2, 15, 17, 18, 45, 52 и 53 Конституции Российской Федерации – ограничивает пенсионные права граждан, необоснованно привлеченных к

уголовной ответственности и впоследствии реабилитированных, поскольку не позволяет засчитывать в страховой стаж, учитываемый при определении права на трудовую пенсию и оказывающий влияние на ее размер, периоды, включенные судом в трудовой стаж этих граждан. Названный Федеральный закон (за исключением норм, регулирующих исчисление размера трудовых пенсий и подлежащих применению в целях определения размеров страховых пенсий в части, не противоречащей Федеральному закону от 28 декабря 2013 года № 400-ФЗ «О страховых пенсиях») перестал применяться с 1 января 2015 года, однако положение пункта 1 его статьи 10 о включении в страховой стаж периодов работы и (или) иной деятельности, которые выполнялись на территории Российской Федерации, при условии, что за эти периоды уплачивались страховые взносы в Пенсионный фонд Российской Федерации, воспроизведено в части 1 статьи 11 ныне действующего Федерального закона «О страховых пенсиях», что позволяет Конституционному Суду Российской Федерации принять данную жалобу к рассмотрению.

Вместе с тем согласно законодательству, действовавшему в отношении реабилитированных лиц в тот период, когда Н.К.Шматков подвергался уголовному преследованию, в общий трудовой стаж, дающий право на пенсию по старости и оказывающий влияние на ее размер, включались периоды содержания под стражей и отбывания наказания, а также периоды, в течение которых гражданин не работал в связи с отстранением от должности. Как следует из материалов жалобы, период содержания Н.К.Шматкова под стражей, имевший место до 1 января 2002 года – даты вступления в силу Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», по решению суда включен в общий трудовой стаж и учтен при оценке пенсионных прав заявителя, приобретенных до указанной даты, путем их конвертации (преобразования) в расчетный пенсионный капитал, т.е. в этой части пенсионные права Н.К.Шматкова восстановлены; периоды, в течение которых он не работал в связи с отстранением от должности (работы) до вступления в силу Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», учтены в общий трудовой стаж.

Федерации» (с 26 января 1995 года по 3 апреля 1998 года и с 18 мая 1999 года по 31 декабря 2001 года), решением суда также включены в общий трудовой стаж и учтены при назначении заявителю трудовой пенсии по старости. Период после 28 января 2004 года, зачтенный судом в общий трудовой стаж, по смыслу статьи 76 Трудового кодекса Российской Федерации, не может быть отнесен к отстранению от должности (работы), поскольку 28 января 2004 года МКАБ «Восток», выступавший работодателем Н.К.Шматкова, был ликвидирован и трудовые отношения между ними прекратились.

Следовательно, права Н.К.Шматкова затрагиваются оспариваемой им нормой постольку, поскольку в его страховой стаж не был засчитан период со дня вступления в силу Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» до ликвидации МКАБ «Восток» (с 1 января 2002 года по 28 января 2004 года), в течение которого он не работал в связи с отстранением от должности (работы). Соответственно, пункт 1 статьи 10 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу в той мере, в какой на его основании после 1 января 2002 года решается вопрос о включении в страховой стаж гражданина, незаконно привлеченного к уголовной ответственности и впоследствии реабилитированного, периодов, в течение которых он не работал в связи с отстранением от должности (работы), если такое отстранение явилось следствием решения органа, осуществлявшего в отношении этого гражданина уголовное преследование.

2. Конституция Российской Федерации закрепляет право каждого на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц (статья 53), и в качестве гарантии его реализации устанавливает обязанность государства в случае нарушения органами публичной власти и их должностными лицами прав, охраняемых законом, обеспечивать

потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (статья 52).

Конституционным гарантиям права на возмещение вреда, причиненного незаконным или необоснованным уголовным преследованием, корреспондируют положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод (пункт 5 статьи 5, статья 3 Протокола № 7 к данной Конвенции) и Международного пакта о гражданских и политических правах (подпункт «а» пункта 3 статьи 2, пункт 5 статьи 9 и пункт 6 статьи 14), провозглашающие право каждого, кто стал жертвой незаконного ареста, заключения под стражу или судебной ошибки, на компенсацию и обязанность государства обеспечить эффективные средства правовой защиты нарушенных прав.

Из приведенных положений Конституции Российской Федерации и международно-правовых актов, основанных на принципах правового государства, верховенства права, юридического равенства и справедливости, следует, что государство, обеспечивая лицам, пострадавшим от незаконного и (или) необоснованного привлечения к уголовной ответственности на любой стадии уголовного судопроизводства, эффективное восстановление в правах, обязано гарантировать им и возмещение причиненного вреда. Соответственно, конкретизация конституционно-правового принципа ответственности государства за незаконные действия (или бездействие) органов государственной власти или их должностных лиц, по смыслу правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в Постановлении от 2 марта 2010 года № 5-П, предполагает создание специальных публично-правовых механизмов, обеспечивающих восстановление нарушенных прав граждан, необоснованно подвергнутых от имени государства уголовному преследованию, в полном объеме.

3. Реализуя в рамках предоставленных ему дискреционных полномочий соответствующие конституционные предписания, федеральный законодатель закрепил в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, что уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту прав и

законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (часть первая статьи 6) и что уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания и реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию (часть вторая статьи 6). Исходя из этого в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации устанавливается порядок и условия возмещения вреда, причиненного лицу в уголовном судопроизводстве, а также основания возникновения права на реабилитацию, под которой понимается порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причиненного ему вреда (пункт 34 статьи 5).

Согласно части первой статьи 133 УПК Российской Федерации право на реабилитацию включает в себя не только право на возмещение имущественного вреда, устранение последствий морального вреда, но и восстановление в жилищных, трудовых, пенсионных и иных правах, а вред, причиненный гражданину в результате уголовного преследования, возмещается государством в полном объеме независимо от вины органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора и суда. Вместе с тем, определив в его главе 18 основания возникновения и содержание права на реабилитацию, а также порядок возмещения имущественного и морального вреда реабилитированным, федеральный законодатель не предусмотрел ни в данном Кодексе, ни в каком-либо ином федеральном законе механизм, гарантирующий восстановление пенсионных прав лиц, незаконно и (или) необоснованно подвергшихся уголовному преследованию.

3.1. До настоящего времени право на возмещение вреда, причиненного гражданину в результате уголовного преследования, реализуется в порядке, установленном Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1981

года «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей», который сохраняет юридическую силу и может применяться лишь во взаимосвязи с соответствующими положениями УПК Российской Федерации (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2005 года № 242-О).

В соответствии с пунктом 6 утвержденного данным Указом Положения о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, время содержания под стражей, время отбывания наказания, а также время, в течение которого гражданин не работал в связи с отстранением от должности, засчитывается как в общий трудовой стаж, так и в стаж работы по специальности; при этом трудовой стаж, исчисленный с зачетом указанных периодов, учитывается в том числе при назначении пенсий и пособий по государственному социальному страхованию.

Названная норма в полной мере согласовывалась с пенсионным законодательством, действовавшим до 1 января 2002 года. Так, согласно Закону Российской Федерации от 20 ноября 1990 года № 340-1 «О государственных пенсиях в Российской Федерации» (утратил силу с 1 января 2002 года) с учетом общего трудового стажа как суммарной продолжительности трудовой и иной общественно полезной деятельности устанавливались пенсии по старости, а в соответствующих случаях – пенсии по инвалидности и пенсии по случаю потери кормильца, а продолжительность общего трудового стажа обуславливала право на пенсию и в определенной мере влияла на ее размер. Кроме того, предусмотренная статьей 94 того же Закона возможность зачета лицам, необоснованно привлеченным к уголовной ответственности и впоследствии реабилитированным, времени содержания под стражей и пребывания в местах заключения и ссылке в общий трудовой стаж в тройном размере

позволяла данной категории граждан приобретать необходимый для назначения пенсии общий трудовой стаж в более короткие сроки. Тем самым посредством предусмотренного приведенными нормативными положениями в целях пенсионного обеспечения порядка учета периодов содержания под стражей, отбывания наказания и периодов, в течение которых гражданин не работал в связи с отстранением от должности, обеспечивалось восстановление пенсионных прав реабилитированных лиц.

После вступления в силу Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» (1 января 2002 года), в основу которого была положена концепция страховой природы пенсионного обеспечения, общий трудовой стаж стал использоваться в механизме обязательного пенсионного страхования для определения расчетного размера трудовой пенсии при оценке пенсионных прав граждан, приобретенных ими по состоянию на 1 января 2002 года. При этом приобретение права на трудовую пенсию по старости, назначаемую на общих основаниях, федеральный законодатель связал с достижением общеустановленного пенсионного возраста и наличием не общего трудового, а страхового (не менее пяти лет) стажа. Размер трудовой пенсии по старости фактически стал зависеть от суммы страховых взносов и иных поступлений в Пенсионный фонд Российской Федерации за застрахованное лицо, а продолжительность страхового стажа до 1 января 2015 года – даты вступления в силу Федерального закона «О страховых пенсиях» не оказывала влияния на размер пенсии (в настоящее время страховой стаж в системе обязательного пенсионного страхования учитывается при определении как права на страховую пенсию, так и ее размера).

Согласно ныне действующему в сфере пенсионного обеспечения правовому регулированию в страховой стаж включаются периоды работы и (или) иной деятельности, в течение которых уплачивались страховые взносы в Пенсионный фонд Российской Федерации (пункт 1 статьи 10 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», часть 1 статьи 11

Федерального закона «О страховых пенсиях»), и наравне с ними в страховой стаж засчитываются иные (нестраховые) периоды, в том числе период содержания под стражей лиц, необоснованно привлеченных к уголовной ответственности и впоследствии реабилитированных, и период отбывания наказания этими лицами в местах лишения свободы и ссылке (подпункт 5 пункта 1 статьи 11 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», пункт 5 части 1 статьи 12 Федерального закона «О страховых пенсиях»), т.е. возможность включения в страховой стаж периода, в течение которого гражданин не работал вследствие отстранения от должности (работы) в связи с уголовным преследованием, в настоящее время пенсионным законодательством не предусматривается.

3.2. Временное отстранение от должности подозреваемого или обвиняемого является мерой процессуального принуждения, которая применяется судом по ходатайству следователя с согласия руководителя следственного органа, а также дознавателя с согласия прокурора, в целях обеспечения порядка уголовного судопроизводства и надлежащего исполнения приговора (часть первая статьи 111 и часть первая статьи 114 УПК Российской Федерации). Постановление суда о временном отстранении подозреваемого или обвиняемого от должности направляется по месту его работы (часть третья статьи 114 УПК Российской Федерации) и предполагает безусловную юридическую обязанность работодателя не допускать работника к исполнению трудовых обязанностей.

Согласно законодательству, действовавшему на дату применения данной меры процессуального принуждения в отношении заявителя по настоящему делу, работник мог быть отстранен от должности (работы) только по предложению уполномоченных на это органов в случаях, предусмотренных законодательством (статья 38 КЗоТ РСФСР); в частности, временное отстранение от должности осуществлялось на основании мотивированного постановления следователя, подлежащего санкционированию прокурором или его заместителем, которое направлялось

для исполнения по месту работы обвиняемого (статья 153 УПК РСФСР) и, как любое постановление следователя, вынесенное в соответствии с законом по находящимся в его производстве уголовным делам, было обязательно для исполнения всеми предприятиями, учреждениями, организациями, должностными лицами и гражданами (часть пятая статьи 127 УПК РСФСР).

Нарушение же следователем установленного законом порядка отстранения от должности (работы) либо ненадлежащее оформление процессуальных документов не должно создавать препятствия для восстановления прав реабилитированного лица. В противном случае это лицо вопреки конституционным предписаниям об обязанности государства возместить вред, причиненный незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц, претерпевало бы негативные правовые последствия, вызванные ненадлежащим исполнением должностными лицами возложенных на них полномочий.

В период отстранения от должности (работы) в связи с уголовным преследованием – как по действующему законодательству, так и по законодательству, действовавшему на дату отстранения от работы заявителя по настоящему делу, – трудовые отношения с работником не прекращаются, работник лишь освобождается от обязанности выполнять работу в соответствии с трудовым договором и заработная плата ему не начисляется. Тем самым обе стороны трудового договора освобождаются от выполнения возложенных на них обязанностей, формально сохраняя статус работника и работодателя и не прекращая трудовых отношений, что в данной ситуации может выступать препятствием для трудоустройства отстраненного работника к другому работодателю и получения соответствующего дохода, однако не лишает его возможности заниматься предпринимательской деятельностью или работать по совместительству. В свою очередь, увольнение работника по собственной инициативе либо по соглашению сторон влекло бы невозможность восстановления его трудовых прав при вынесении оправдательного приговора, поскольку в таком случае

отсутствовали бы правовые основания для его восстановления на работе как лица, выразившего добровольное волеизъявление о прекращении трудовых отношений.

Следовательно, такое правовое регулирование, допускающее временное отстранение от должности (работы) лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, исходя из принципа презумпции невиновности направлено в том числе на сохранение трудовых отношений в случае прекращения уголовного дела по реабилитирующим основаниям или вынесения оправдательного приговора либо приговора, не препятствующего продолжению работы, и в случае отмены данной меры процессуального принуждения предполагает допуск отстраненного работника к исполнению трудовых обязанностей и возобновление начисления заработной платы.

3.3. Начиная с 1 января 2002 года основой формирования пенсионных прав выступает уплата страховых взносов на обязательное пенсионное страхование, а объектом обложения страховыми взносами признаются выплаты, начисленные работнику в рамках трудовых отношений. Следовательно, в период временного отстранения работника от должности (работы) его пенсионные права не формируются, поскольку заработная плата в этот период ему не начисляется и обязанность по уплате взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации не возникает. Соответственно, восстановление пенсионных прав лица, незаконно или необоснованно привлеченного к уголовной ответственности и впоследствии реабилитированного, по существу, возможно лишь применительно к периоду до 1 января 2002 года, а также после указанной даты – за периоды содержания под стражей и отбывания наказания в местах лишения свободы и ссылке, которые включаются в страховой стаж в качестве нестраховых периодов (подпункт 5 пункта 1 статьи 11 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации»).

Применительно же к периоду, в течение которого гражданин, чье право на реабилитацию вследствие незаконного или необоснованного уголовного

преследования было признано судом, не работал в связи с временным отстранением от должности (работы), в действующем правовом регулировании не предусматривается ни возмещение государством неуплаченных работодателем в Пенсионный фонд Российской Федерации страховых взносов, ни его учет в страховом стаже в качестве нестрахового периода с начислением коэффициентов, предусмотренных частью 12 статьи 15 Федерального закона «О страховых пенсиях» для ряда нестраховых периодов, что исключает и возможность его учета как при определении права такого гражданина на трудовую (страховую) пенсию, так и при исчислении ее размера.

Тем самым создаются препятствия для восстановления реабилитированных лиц в пенсионных правах, необходимость которого вытекает из основанных на Конституции Российской Федерации положений уголовно-процессуального закона, что вопреки конституционным принципам справедливости и гарантированности государством прав и свобод человека и гражданина ведет к нарушению права на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями органов государственной власти или их должностных лиц, к ограничению права на социальное обеспечение и, следовательно, не согласуется со статьями 39 (части 1 и 2), 53 и 55 (часть 2) Конституции Российской Федерации.

3.4. Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 14 мая 2015 года № 9-П, федеральный законодатель, осуществляя предоставленные ему полномочия, был вправе установить приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации перед иными федеральными законами в регламентации соответствующих правоотношений (статья 7), в том числе связанных с реабилитацией и восстановлением прав лиц, подвергшихся незаконному или необоснованному уголовному преследованию, исходя из того, что значимым ориентиром для разрешения коллизии законов в контексте конституционных предписаний в любом случае является требование о приоритетности прав и свобод человека

и гражданина, которые, в частности, определяют смысл, содержание и применение законов (статьи 2 и 18 Конституции Российской Федерации).

Из этого следует, что нормы пенсионного законодательства должны согласовываться с предписанием Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации о необходимости восстановления пенсионных прав, – иное противоречило бы вытекающим из конституционных принципов правового государства, важнейшими из которых являются верховенство Конституции Российской Федерации и законов, равенство и справедливость, требованиям определенности, ясности, недвусмысленности правовых норм и их согласованности с системой действующего правового регулирования (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 6 апреля 2004 года № 7-П, от 31 мая 2005 года № 6-П и от 18 июля 2008 года № 10-П).

Между тем, исключив возможность зачета в страховой стаж лица периода временного отстранения от должности (работы) в связи с уголовным преследованием, федеральный законодатель породил формальную несогласованность между положениями уголовно-процессуального закона и пенсионным законодательством, заведомо ведущую к невозможности реализации в полном объеме права на реабилитацию, предполагающего восстановление в пенсионных правах лиц, незаконно или необоснованно подвергшихся уголовному преследованию.

Такое законодательное регулирование в силу своей неопределенности, обусловленной отсутствием соответствующего правового механизма, не согласуется с конституционными принципами справедливости и верховенства права (статьи 2 и 19 Конституции Российской Федерации), свидетельствует о невыполнении федеральным законодателем своей обязанности, вытекающей из статей 39, 45, 52, 53 и 71 (пункт «о») Конституции Российской Федерации, и, следовательно, нарушает конституционные права на социальное обеспечение и возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями

(или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц.

4. Таким образом, пункт 1 статьи 10 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» не соответствует Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (части 1 и 2), 39 (части 1 и 2) и 53, в той мере, в какой содержащееся в нем нормативное положение во взаимосвязи с иными законодательными предписаниями позволяет не включать в страховой стаж гражданина, необоснованно привлеченного к уголовной ответственности и впоследствии реабилитированного, период, в течение которого он был временно отстранен от должности (работы) в связи с решением органа, осуществляющего уголовное преследование, о применении к нему данной меры процессуального принуждения, и тем самым препятствует восстановлению его пенсионных прав.

Федеральному законодателю надлежит – исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций, выраженных Конституционным Судом Российской Федерации в настоящем Постановлении, – внести в действующее правовое регулирование изменения, направленные на создание правового механизма восстановления пенсионных прав реабилитированных лиц, т.е. гарантирующего им пенсионное обеспечение на тех условиях, которые применялись бы к ним в случае отсутствия незаконного или необоснованного уголовного преследования. При этом федеральный законодатель в рамках предоставленных ему дискреционных полномочий вправе выбрать такой способ зачета в страховой стаж реабилитированного лица периода отстранения от должности (работы) в связи с решением органа, осуществляющего уголовное преследование, который обеспечивал бы возможность учета соответствующего периода как при определении права на трудовую (страховую) пенсию, так и при исчислении ее размера.

Исходя из прямого действия Конституции Российской Федерации впредь до внесения в действующее правовое регулирование надлежащих

изменений в страховой стаж реабилитированного лица должен включаться весь период отстранения его от должности (работы) по правилам, предусмотренным для периода содержания под стражей.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79, 80 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать пункт 1 статьи 10 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» не соответствующим Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (части 1 и 2), 39 (части 1 и 2) и 53, в той мере, в какой содержащееся в нем нормативное положение во взаимосвязи с иными законодательными предписаниями позволяет не включать в страховой стаж гражданина, необоснованно привлеченного к уголовной ответственности и впоследствии реабилитированного, период, в течение которого он был временно отстранен от должности (работы) в связи с решением органа, осуществляющего уголовное преследование, о применении к нему данной меры процессуального принуждения, и тем самым препятствует восстановлению его пенсионных прав.

2. Федеральному законодателю надлежит – исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении, – внести в действующее правовое регулирование изменения, направленные на создание правового механизма восстановления пенсионных прав реабилитированных лиц, т.е. гарантирующего им пенсионное обеспечение на тех условиях, которые применялись бы к ним в случае отсутствия незаконного или необоснованного уголовного преследования.

3. Правоприменительные решения по делу гражданина Шматкова Николая Карповича, основанные на пункте 1 статьи 10 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» в той мере, в какой содержащиеся в нем нормативные положения признаны настоящим Постановлением не соответствующими Конституции Российской Федерации, подлежат пересмотру в установленном порядке, если для этого нет иных препятствий.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Конституционный Суд
Российской Федерации

№ 29-П